

ВСЁ ЖИВОЕ

Валерий ЕРЁМИН, член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Автор книг «Пройду по улицам Промзинским», «Камешки», «Сурский хор-вод», «Радуга над Сурой» и др. Награждён медалью им. С.А. Бутурлина. Живёт в р. п. Сурское Ульяновской области.

НА СУХОДОЛЕ

Из цикла «Охотничьи рассказы»

Теперь Герка стал законным охотником. У него появились такие же друзья-единомышленники: Виталька, который жил на соседней улице, Женька – сосед через два дома и Пашка, Женькин двоюродный брат, который жил в Репьёвке. И побежали Геркины охотничьи деньки на долгие годы. Многое он забыл, но яркие моменты запомнились ему навсегда. Нельзя сказать, чтобы Герка в это время забыл и забросил другие увлечения, нет, конечно. Он не бредил охотой и не ставил её выше всего, но ему очень нравилось это мужское увлечение, это уж точно. И теперь он мог свободно ходить, не таясь, на охоту и ещё больше общаться с природой, а это было так здорово.

Близилось открытие охоты. Герка мечтал пойти с друзьями на охоту на уток. Туда, за Суру, где было множество озёр и болот, где в Геркином представлении уток можно было сбивать палками, а не только из ружья. Но охота с друзьями внезапно сорвалась. Мать срочно собралась к своим родителям в Барышскую Слободу. Приспичило ей, как говорят, ни раньше и ни позже, думал про себя Герка. А так как она сильно прибаловала, отец не мог отпустить её одну, а сам не мог с ней ехать, и Герка должен был сопровождать её. Он придумывал

разные предлоги, чтобы перенести поездку. Отбивался как только мог. Решил всё отец. Он сказал:

– А что ты? И там на охоту сходить сможешь. Места за Сурой не хуже наших, а может, даже и лучше. Чего только Суходол на Барыше стоит.

– Да я же с друзьями хотел, – с огорчением изрёк Герка.

– Ничего, с друзьями ещё успеешь. А матери одной нельзя, – твёрдо сказал отец, которого Герка никак не мог послушаться.

В общем, на открытие охоты, на вечернюю зорьку Герка в этот раз не попал. Идти один он не решился. Торчать там всю ночь одному у костра ему не хотелось. Он стоял у дедушкиного дома, который располагался в Барском переулке, и печально смотрел туда, за Суру, откуда доносились частые ружейные выстрелы. Дед Иван, старый балтийский моряк, участник Февральской и Октябрьской революций, сочувственно смотрел на внука и успокаивал:

– На первом месте должно быть дело, а неотложное тем более. А охота – это, в общем-то, развлечение. Раньше этим только богатые занимались. Ты вот чо: если уж сильно задумал сходить, ложись сегодня пораньше, а завтра перед рассветом двинешь. Я так думаю. Иди на Суходол. Там места хороши и добираться проще.

И дед Иван начал рассказывать Герке, как лучше добраться до Суходола. Хотя он мог и не говорить этого. Герка и сам бывал там на рыбалке с двоюродными братьями.

Задолго до рассвета Герка был уже на ногах и вскоре, как говорил дед, двинул на охоту.

Ещё было темно, когда он подошёл к мосту через Суру. Он поднырнул под закрытый шлагбаум, взглянул на спящий на высокой круче домишко, где ютился дежурный, который командовал движением по мосту. Он, в общем, заправлял движением и по Суре, пропуская баржи и катера, для чего выводил пролёт моста, сооружённый из двух барж. Герка быстро шагал по деревянному мосту. Вода легонько бормотала и шелестела, издавая ласковый звук, омывая сваи и баржи разводного моста. Где-то раздался всплеск выпрыгнувшей из воды крупной рыбы. Там, впереди за пологим песчаным берегом, за кустами ивняка светилось электрическим светом здание небольшой ГЭС. Располагалась она на маленькой, но полноводной речке с названием Барыш, которая чуть ниже моста впадала в Суру.

Герка, сойдя с моста, свернул вправо и сбавил шаг, почувствовав под ногой песчаный берег Суры. Он направился туда, в пойменные луга Суры и Барыша, где были естественные озёра, старицы этих рек. Одно из них называлось Конопляное, а там чуть дальше Баконь. Тут же рядом появился и рудоотворный затон Суходол, образованный плотинной ГЭС на Барыше. Вода, выйдя из берегов, затопила часть леса с полянами, образовав прекрасные места для рыбалки и охоты. Герка бывал здесь на рыбной ловле. С дядей и старшим братом был он и на плотине, перегораживающей Барыш, где с десятиметровой высоты с шумом падала, бурлила и кипела вода. Она вымыла между берегов большую чашу и, успокоившись в ней, продолжала свой бег по руслу. Незаметно Герка вышел на огромную поляну, и

в начинавшемся зарождаться утреннем рассвете он увидел большое количество машин различных марок тех времён. Здесь были и легковые, и грузовые, и автобусы, и даже трактора, выстроившиеся на поляне в неровную линию. Сразу видно, что этим кто-то командовал. Кое-где ещё слегка дымили прогоревшие костры. Поляна на первый взгляд, казалось, спала. И вдруг она ожила. По ней стали молча или тихо переговариваясь, двигаться люди с ружьями. Они отправлялись к воде, к затону, к Суходолу, над которым белыми языками начал своё плавное движение туман. Кто-то из охотников садился в лодки и отчаливал от берега, скрываясь в кустах и тумане. Кто-то заходил в болотных сапогах в воду, пробираясь в траве, а кто-то просто направлялся поближе к воде и вставал на поляне, на которую медленно, но уверенно наплывал туман. Он, конечно, разочаровывал и огорчал охотников, несмотря на то, что придавал природе свою неповторимую красоту. Но он, наверное, радовал уток, если они умели радоваться в такие минуты. В разных местах затона и поляны зазвучали первые выстрелы. Послышались крики: «Держи». Герка растерялся. Он ещё ни разу не видел такого количества одновременно охотившихся людей. Он невольно остановился, наблюдая за происходящим. Из тумана на него неожиданно и стремительно, быстро взмахивая крыльями, стали вылетать утки и так же быстро исчезать в нём. Наконец-то Герка опомнился и тоже начал стрелять. Стрелял он, как говорили, в белый свет, как в копеечку. Короче, он торопился и мазал. Поэтому невольно ещё больше волновался и ещё больше торопился, и мазал, и мазал. Он даже почувствовал, как у него вспотела спина. Туман довольно плотно накрыл затон и поляну и становился розовым в лучах восходящего солнца. Герка почему-то непроизвольно подумал, что это, наверное, от крови убитых и раненых уток. Прошло некоторое время, выстрелы стали звучать реже, потом почти совсем прекратились. Утки куда-то исчезли. И Герка понял: утренняя зорька закончилась. Он стоял всё на том же месте огромной поляны и, конечно, был немного огорчён. По поляне вновь задвигались люди. Охотники возвращались к своим машинам. В тумане слышались громкие возбуждённые голоса. «А я, а я...» – это говорили те, кто шёл с добычей. Те, кто шёл, как говорится, налегке, молчали или сдержанно поясняли, почему их постигла неудача, украдкой поглядывая на добычу друзей:

– Так она, как метеор, из-за кустов, из тумана, разве в неё попадёшь! – сетовал кто-то.

Но тех, кто говорил, что убил и не нашёл или зацепил и она улетела, Герке показалось, было гораздо больше. И ещё он понял главное: разговоров о прошедшей охоте у охотников будет на долгое время.

Постояв ещё немного, Герка решил идти обратно в село. Он вскинул ружьё на плечо, развернулся и зашагал по наезженной машинами дороге.

Солнце поднималось всё выше и выше, лёгкий ветерок, заигрывая с туманом, растворял его в воздухе. А тяжёлые его капли стелил серебром росы на поляне, которая вспыхивала всеми цветами радуги от прикосновения солнечных лучей.